

Искусство и народ

«Искусство принадлежит народу. Оно должно уходить своими глубочайшими корнями в самую толщу широких трудящихся масс. Оно должно быть понятно этим массам и любимо ими. Оно должно объединять чувства, мысль и волю этих масс, поднимать их. Оно должно пробуждать в них художников и развивать их».

В этих гениальных положениях В. И. Ленина, высказанных в беседе с Кларой Цеткин, подучила классическое выражение большевистская партийная точка зрения на происхождение, сущность искусства и назначение его в обществе.

Искусство принадлежит народу. Народ является его творцом.

Народное творчество является основой всех основ искусства. «Создаем же мы, создает народ: мы только записываем и аранжируем», — сказал великий русский композитор Глинка. Величайшее мастера русского искусства, отбирая все лучшее в богатейших алмазных россыпях языка и мелодий народа, создали совершенные произведения нашего литературного и музыкального искусства. В своем творчестве, составившем эпоху в художественном развитии человечества, они достигли тех вершин, когда искусство, овладев классической ясностью и простотой выражения, становится высочайшей, обретая способность объединять чувства масс, будить их мысль, активизировать их волю.

Однако все эти живительные свойства большого искусства не могли проявиться с необходимой силой в эпоху господства помещичье-буржуазного, эксплуататорского строя старой России. Великие наши поэты, музыканты творили для народа, но широкие народные массы не знали их.

Буржуазное искусство предреволюционных десятилетий — его теоретики и практики делали все возможное, чтобы искажать и унизить великие завоевания классического русского искусства, оторвать искусство от народной почвы и лишая силы, увести с широкой дороги народности в тупик индивидуалистических, субъективных переживаний, понятий только антинародных, антиобщественных труппах. Искусство в их руках становилось забавой сытых бездельников или средством нигилистического разращения и огульного разрыва с народом.

С гневом и болью наблюдая, как уродуют и извращают искусство компрачьи классики искусства Л. Н. Толстой предсказывал, что искусство возродится, уйдя «под землю», в почву народного творчества, и поднимется оттуда обогащенным и преображенным.

На пороге грандиозных революционных битв за будущее страны и человечества наш народ выдвинул величайшее требование в области искусства — Горького. Он был тем художником, который ближе и теснее, чем кто-либо из предшествовавших ему писателей, был связан с народом. Он постиг в совершенстве богатства народного творчества, познал современные думы и чаяния народа на новом историческом этапе его развития, понял могучую организующую роль искусства в глубоко оцененные великие завоевания классической русской литературы. В своих произведениях он выразил волю рабочего класса — передового класса эпохи, авангарда трудящегося народа. Именно поэтому Горький стал основоположником нового, социалистического искусства.

Новые взаимоотношения между художником и народом, искусством и обществом, которые были сформулированы Лениным еще в 1905 году в статье «Партийная организация и партийная литература», были осуществлены в полном, социалистическом обществе. Искусство было призвано служить «миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущее».

Лучшие творения мирового искусства стали доступны широчайшим слоям народа, и, в свою очередь, искусство стало основой для небывалого расцвета народного творчества. Заканчивались нарядные смотры колхозной самодеятельности еще раз показав, как глубоко проникло в народную толпу, как органически вошло в жизнь народа подлинное искусство — хоры и музыкальные коллективы колхозников, народы с народными песнями, исполняющие классические произведения музыки и поэзии, а также лучшие произведения советских композиторов и поэтов.

Леонид ЛЕОНОВ НАША ВСТРЕЧА

На наших глазах и нашими совместными усилиями создаются благородные традиции, которые прочно входят в общественный советский быт. В их число надо включать и отличный обычай творческих отчетов братских литераторов, проводимых в нашей столице — в университетах и академиях, на заводах и в других крупнейших аудиториях. Смысл таких отчетов в том, чтобы удовлетворить все возрастающий интерес советского, в частности русского, читателя к достижениям мысли и художественного слова братских народов нашего могучего Советского Союза.

Велико и рабочее значение таких литературных смотров. Они укрепляют теснейшее сотрудничество наших литераторов, непосредственно помогают личному знакомству советских читателей и писателей; они помогают также и обмену богатствами, накопленными за отчетный период; эти встречи вызывают деятельную творческую инфузию и, следовательно, сливают воедино все великие национальные отряды нашего советского народа. А это и есть один из показателей правильности и мудрости ленинско-сталинского принципа, положенного в основу нашей вершующей многонациональной дружбы.

На протяжении всего развития советского искусства партия последовательно и заботливо направляла художников по пути служения народу. Не только правильно изображать действительность, поощрять щедрое и бичевать отсталое, но осветить народу прожектором путь вперед — такова задача социалистического искусства. Искусство в нашей стране стало могучим средством идейного и художественного воспитания многомиллионных народных масс.

Глубокое принципиальное значение для всех видов социалистического искусства имеет историческое постановление Центрального Комитета ВКП(б) об опере Мухоморова «Великая дружба». Разоблачая антинародное, формалистическое направление в нашей музыке, это постановление дает точные, ясные разъяснения того, что такое подлинная народность в искусстве, в чем живительные источники для его расцвета. Постановление определяет на многие годы путь развития советской музыки и искусства.

Для современного буржуазного искусства, отражающего гниение буржуазного общества эпохи империализма, характерны и закономерны крайний субъективизм и индивидуализм, распад и уничтожение формы. Эти явления чужды самому духу нашего социалистического искусства, выражающего собой мощь, силу, энергию и духовную бодрость социалистического строя. Художники, сознательно или бессознательно испытывавшие влияние искусства современного буржуазного общества, рабски преклоняющиеся перед ним, создавая бездельные, уродливые произведения, делают антинародное дело. Увеличение ряда советских композиторов этими явлениями, отрыв этих композиторов от народа создала в советской музыке нетерпимое положение.

Подобные явления буржуазного искусства, хотя и в меньшей степени, наблюдаются и в литературной среде. Доселе находившие поклонники формалистического, антинародного творчества Владимира Хлебникова; черты индивидуализма и субъективизма присутствуют в поэзии Б. Пастернака; пережитки формализма можно обнаружить в творчестве П. Антокольского и некоторых других поэтов, в том числе молодых.

Постановление ЦК ВКП(б) требует от произведений искусства идейной ясности и глубины, красоты и изящества формы, при которых только и можно изобразить во всем многообразии вдохновляющее богатство и широту нашей действительности.

Решение партии обращает внимание советских художников на произведения классического русского искусства, неисполненные «поэзии живой и ясной, высоких дум и простоты», и подчеркивает, что эти качества рождались исключительно по благодаря тому, что великие русские художники неустанно обращались к сокровищам народного творчества. Только опираясь на те вершины, которых достигло русское классическое искусство, можно двигаться вперед.

На один художник в мире не имел таких условий для творчества, какие давал советскому художнику. В нашей стране не существует той стены между художником и народом, той ненормальной изоляции, тяжесть которой так глубоко ощущали великие деятели искусства прошлого. Вокруг искусства создана благоприятная общественная среда, которая ширится и растет с каждым днем. Постановление ЦК ВКП(б) сразу же вызвало во всей стране волну творческих обсуждений и целые потоки писем в редакции газет, как событие огромной общественной значимости. Эти письма, выражающие восторженную благодарность партии за заботу о культурных запросах советского человека, наглядно свидетельствуют о том, что народ считает литературу, музыку, живопись своим родным делом.

Народ жлет от своих художников произведений, не уступающих русской и мировой классике. Наша действительность неизмеримо шире и богаче той, которую великие русские художники отражали в своих произведениях. Шире и идейно богаче содержание нашего искусства. Величие социалистической действительности, героические социалистические устремления советского народа дают возможность художнику создавать произведения, которые по силе изображения жизни и вдохновляющей мощи превзойдут произведения классического искусства прошлого.

Советские художники могут и должны создавать произведения, объединяющие массы, вдохновляющие их на великие подвиги, воспитывающие вкус народа, пробуждающие в нем художников.

В наших книжных хранилищах. Первое произведение литовского печатного станка появилось ровно четыреста лет назад. В этой старой книге, как в одной колыбели, символически лежат два печатных первенца литовского народа — народный букварь и первое печатное стихотворение. Народ и искусство слова — вот благородный символ для всякой литературы, которая хочет жить вечно!

Литература Литвы имеет почтенный возраст. Ее путь отмечен такими отменными видными веками, к примеру, как «Времена года» Донедайтиса. Это был путь истинно творческого труда и борьбы, в которой литература Литвы принимала удары врагов и шла в погу со своим народом.

В наши дни литература Литвы звонким ручьем влилась в многоязычный поток нашей советской литературы. Появилась плеяда талантливейших людей, наших гостей, которых мы на днях встречали в Колонном зале Дома союзов, в Доме актера, в Доме культуры рабочих Трехгорной мануфактуры.

Вся совместная наша жизнь еще впереди. — мы еще не раз встретимся в труде и в борьбе за славу нашей общей социалистической Родины.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 18 (2401)

Среда, 3 марта 1948 г.

Цена 40 коп

К новому под'ему советского искусства

1 марта состоялось собрание писателей Москвы. Оно было посвящено обсуждению постановления ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мухоморова».

В президиуме собрания — Б. Горбатов, Л. Леонов, В. Катаев, В. Вишневский, А. Фадеев, А. Сурков, В. Инбер, В. Иванов, П. Тихонов, Ф. Панферов, Л. Первомайский, Н. Зарьян и другие.

С содержанием доклада выступил Д. Т. Шепилов.

Все выступавшие в прениях писатели говорили об огромном значении постановления партии для развития всей советской культуры.

— Это постановление, — сказал А. Сурков, — было встречено советскими людьми с большой радостью и удовлетворением. Оно, несомненно, даст такой же благоприятный результат, какой дало решение партии по вопросам литературы. Вспомним, как много значительных и талантливых произведений создала наша партия после этих решений.

А. Сурков с возмущением говорил о деятельности композиторов-формалистов, оторвавшихся от народа, о том сомнительном успехе, с которым встречались их сумбурные, нарочито усложненные произведения у реакционных зарубежных критиков. В этой связи он остановился и на индивидуалистическом творчестве Б. Пастернака, восхваляемого на все лады заграничными эстетиками.

— Невозможно создать высокохудожественное оперное произведение без творческого сотрудничества писателей и композиторов, — отметил А. Сурков, — а у нас большей частью над оперными либретто работают люди, имеющие весьма отдаленное отношение к искусству. Мы, литераторы, должны помочь нашим товарищам композиторам в пору крутой и решительной перестройки.

СОБРАНИЕ МОСКОВСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

— Я очень люблю музыку, — сказала Вера Инбер, — но я не могу себе представить такое душевное состояние, при котором мне бы захотелось слушать произведения Шостаковича. Наша русская музыка отличается необыкновенным богатством и разнообразием изобразительных средств, она способна передать наши чувства и настроения во всей их сложности и непосредственности. Это — ясная, мелодичная, глубоко народная музыка, понятная каждому. С сожалением, этого не скажешь о нашей современной музыке. Недаром кто-то шутил на одной из опер: «Жгучее близится, а музыки все нет». Я уверена, что советские композиторы создадут музыку, достойную нашего народа.

Об ответственности писателей — передового отряда советской интеллигенции — за состояние советской культуры говорил В. Кожевников.

— Почему наши писатели слушали эту формалистическую музыку и молчали? — спрашивает он. — почему они не подвергли ее прямой и принципиальной критике?

В. Кожевников напомнил, что наши музыкальные критики, газета «Советское искусство» восхваляли каждое новое музыкальное произведение и шумно возмущались от успеха наших композиторов за границей. Нельзя забывать, что шлет нарядная идейная борьба. Дело не просто в формальных ошибках некоторых композиторов. Это — серьезные идейно-политические ошибки. Это — нежелание драться за то, за что тридцать лет борются советские люди.

П. Солдатов говорил о том, что без помощи писателей композиторы не создадут значительных опер, ораторий и т. и. Русская классическая опера неразрывно

связана с великой русской литературой. Достаточно вспомнить оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» Чайковского, «Русалка» Даргомыжского, «Борис Годунов» Мусоргского. Не случайно, что из всех опер Рубинштейна в наши дни живет именно «Демон», а из опер Направника — «Дубровский». Почему же наши современные композиторы не обратились к лучшим творениям советской литературы? Почему нет опер «Разгром», «Железный поток»? Писательская ответственность к деятельности композиторов. С. Прокофьев совершенно искажал в своей опере повесть В. Катаева «Я, сын трудового народа». Но эта формалистическая расправа с хорошим, правдивым произведением не вызвала никакого возмущения у наших писателей.

С критикой своих ошибок выступил Г. Мдивани, автор либретто оперы «Великая дружба».

А. Фадеев посвятил свое выступление состоянию нашей критики.

— Слабость в этой области, — указал он, — в значительной мере объясняет наше отставание в других областях. Многие книги не получают никакой критической оценки. О них никто никогда не говорит. Это создает неясность — что в этих книгах хорошего и что в них неверного, что следует поддержать и что должно быть предостережено.

— Каждый раз, когда возникает неясность в критической оценке, — говорит А. Фадеев, — этим пользуются эстеты и формалисты. Наша критика еще не организована, не сплочена и не всегда идейно подготовлена. Это — крупнейший недостаток в работе всего Союза советских писателей. Наша ближайшая задача — добиться того, чтобы наша критика стала высококачественной и подлинно большевистской.

Московские писатели с большим под'емом приняли текст письма И. В. Сталину.

Военные действия в Китае

Каждый день приносит все новые и новые вести об успехах китайской Народно-освободительной армии.

Непосредственная задача наступления народных войск на Мукденском фронте в феврале закончилась в дезорганизованной обороне и изоляции Мукдена. Поэтому удары направлялись против основных гоминдановских опорных пунктов. Выбодняя эту задачу, народные войска освободили железнодождевые станции Синьиньтунь и Синьинь, город Ляоян, промышленный центр Аньшань и порт Инкоу.

Уже потеря Ляоян была трудно восполнимой брешью в обороне гоминдановцев. Этот город недаром считается «ключевыми воротами» Мукдена. Падение Аньшаня, крупного промышленного центра, расположенного на железной дороге Мукден — Дальний, явилось для гоминдановцев еще более чувствительным поражением.

Вслед за освобождением Аньшаня народные войска усилили атаки в направлении промышленных городов Фучунь и Баньсикун. По сообщениям китайской печати, части Народно-освободительной армии 26 февраля освободили Баньсикун и вели бой в 16 километрах от Фучуня.

Занятие Ляояна и Аньшаня позволило народной армии также предпринять охватывающее наступление на порт Инкоу, играющий важную стратегическую роль. Через этот порт гоминдановские подбрасывали подкрепления и военное снаряжение в Маньчжурию. Кроме того, находясь в

Инкоу, войска Чан Кай-ши создавали постоянную угрозу с тыла народным войскам, сражающимся к югу от Мукдена. Операция, предпринятая Народно-освободительной армией, увенчалась блестящим успехом: 26 февраля порт Инкоу был занят. При этом на сторону народных войск полностью перешла сражающаяся здесь 58-я гоминдановская дивизия. Таким образом, войска Чан Кай-ши лишились своей основной базы на побережье Ляодунского залива.

В результате февральских побед Народно-освободительная армия овладела почти всеми важными стратегическими пунктами вокруг Мукдена и ведет бой в непосредственной близости от города. Согласно многочисленным сообщениям, народные войска находятся не более, чем в 10—15 километрах от Мукдена. По оценке военных обозревателей, положение города «отчаянное» и быстро приближающиеся к стали беззащитности.

Гоминдановское командование предпринимает судорожные попытки удержаться в Маньчжурии. Они подбрасывают подкрепления и военные материалы своим войскам, с помощью реакционных маньчжурских политиков заигрывают с народными массами, пытаются создать отряды местной милиции, усилить «политическую работу» в провинции. Однако все эти попытки заранее обречены на провал.

Гоминдановцев преследуют неудачи не только в Маньчжурии, но также в Северном и Центральном Китае. Военные провалы Чан Кай-ши сопровождаются глубокой экономической разрухой.

На что же рассчитывают гоминдановцы, находящиеся в настоящее время перед лицом экономического и военного краха? Ответ на этот вопрос не отличается новизной. Это — американская «помощь», или, вернее, дальнейшая политическая и экономическая интервенция США в Китае, распространение «плана Маршалла» на Дальний Восток.

18 февраля Труман обратился к конгрессу США с просьбой ассигновать еще 570 миллионов долларов на «помощь» Китаю. Цена американской «помощи» — национальный суверенитет Китая.

Интервенция чужими руками — один из излюбленных методов внешней политики империалистических стран. Руками Чан Кай-ши в его клики Союдинение Штаты пытаются создать политический и стратегический плацдарм на Дальнем Востоке. Однако совокупным планам китайских князьков и их американских хозяев не суждено сбыться. Даже редактор такого реакционного американского журнала, как «Нью уик», Гарольд Исаакс, в специальной статье, посвященной Китаю, писал, что «онадобилось бы чудо для того, чтобы осуществить теперешние американские намерения в Китае. Творцы политики в государственном департаменте сознают это. Не являясь чудотворцами, они остаются беспомощными». Исаакс прав. Конечно и официальные круги США ныне признают, что американская «помощь» существенно изменить положение не в состоянии. Победы Народно-освободительной армии поставили и американскую политику в Китае и режим Чан Кай-ши перед неминуемой катастрофой.

О. ПРУДКОВ

Декада литовской литературы

ВЕЧЕР В КОЛОННОМ ЗАЛЕ

Радужно принимает Москва своих желанных гостей — литовских писателей и артистов — участников литературной декады. Их первые выступления в Колонном зале Дома союзов, в Доме актера, в Доме культуры имени Ленина прошли с большим успехом.

Эти вечера, где выступления литовских поэтов, читавших свои стихи на родном языке, чередуясь с выступлениями русских поэтов — авторов переводов, являют собой живое воплощение духовной дружбы народов Советского Союза.

Литература молодой советской республики, ее музыкальное искусство вызвали живой интерес москвичей. В Колонном зале собрался представитель общественности, студенты, научной интеллигенции, генералы и офицеры Советской Армии, журналисты, учащиеся, студенты.

На вечере присутствовала секретарь ЦК ВКП(б) тов. М. А. Суслон. Творческую связь литовской и русской литературы выразил в теплых словах А. Фадеев, приветствовавший гостей от имени Союза советских писателей СССР и всей московской общественности на вечере в Колонном зале Дома союзов.

Литовская литература прошла трудный и тернистый путь. Буржуазия Литвы пыталась оторвать ее от народа глухой стеной, выходящая из нее все же передовые писатели. Но вопреки этому прогрессивные писатели шли вместе с народом, вместе с ним вели борьбу против царизма, против реакционеров всех мастей! Только терпеливо, при советской власти, была литовская литература стала достоянием народа. Об этом говорил в своем докладе председатель Президиума Верховного Совета Литвы писатель Ю. Палецкис, обрисовавший путь развития родной литературы, начиная с XVI века и кончая послевоенным периодом.

Он говорил о плодотворном влиянии русских писателей на литовскую литературу, о ее расцвете сейчас, когда книга стала глашатаям передовых идей марксизма-ленинизма и оружием в борьбе трудящихся за торжество коммунизма.

Подробно остановившись на состоянии современной литовской литературы, Ю. Палецкис рассказал о лучших ее пред-

ставителях — Саломея Нерис, П. Цвирик, В. Монтиле и о наиболее значительных произведениях последних лет. Докладчик подчеркнул, что постановление ЦК ВКП(б) и доклад товарища А. А. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград» имеют огромное значение для идейно-художественного прогресса писателей Литвы.

— Литовская литература, — говорит тов. Палецкис, — вышла на широкую дорогу советской культуры. Произведения литовских писателей появляются в переводе на русский и другие языки народов СССР. На литовском языке издаются лучшие произведения русской классической современной литературы и многие произведения писателей братских республик.

— Если может спокойно жить и работать литовский народ, если могут расти и расцветать литовская культура и литература, — то все это только благодаря помощи, которую оказали Литве братские народы Советского Союза, благодаря героизму Советской Армии, благодаря гению великого Сталина. Товарищу Сталину посвятила свои стихи одна из лучших наших поэтесс Саломея Нерис:

...О нем веде легенды снова
Творит народная моля,
И славит Сталина родного
Освобожденная Литва.

С чтением своих произведений на родном языке выступили поэты И. Шимкус, Т. Тильвинтис, В. Мозуронас, В. Валслюнене, К. Корсакас, Э. Межелайтис, В. Миколайтис-Путинис. Переводы стихов литовских поэтов читали П. Тихонов, П. Антокольский, И. Сельвинский, В. Звягинцева, Л. Шубин и другие.

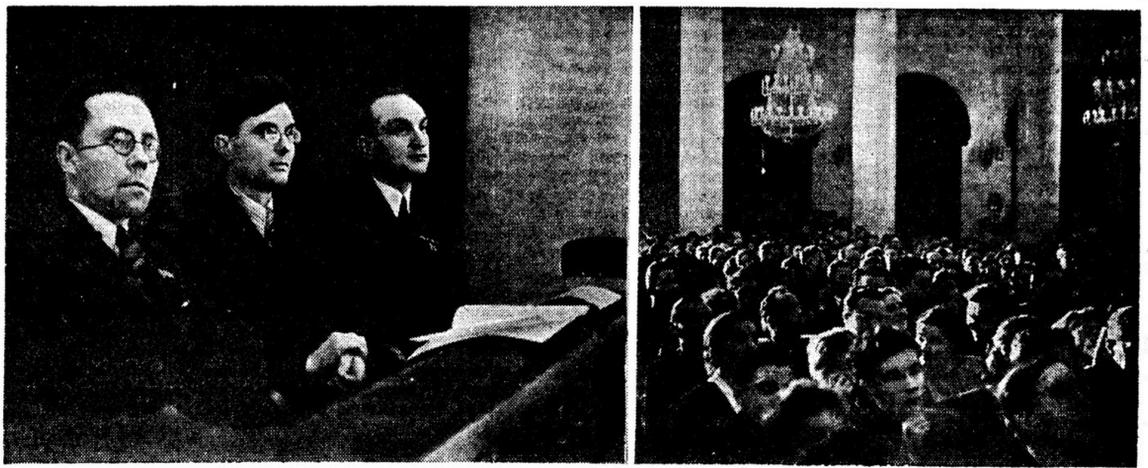
Вечер закончился большим концертом, в котором приняли участие мастера литовского и русского искусства.

В ДОМЕ АКТЕРА

Вечер в Доме актера открыл Л. Леонов. От театральной общественности Москвы гостей приветствовал народный артист РСФСР Н. Озеров.

С кратким обзором литовской литературы и творчества ее лучших представителей выступил член-корреспондент Академии наук Литовской ССР Костас Корсакас. — Из огня войны, — сказал он, —

На открытии декады литовской литературы в Колонном зале Дома союзов. На снимках: слева в ложе — член-корреспондент Академии наук Литовской ССР поэт Костас Корсакас, секретарь Центрального Комитета ВКП(б) М. А. Суслон, председатель Президиума Верховного Совета Литовской ССР писатель Ю. И. Палецкис. Справа — общий вид Колонного зала.

Могильщик Франции

Среди буржуазных политиков, выходящих сейчас на арену, наиболее известным французского народа, одно из первых мест принадлежит Рене Мейеру, министру финансов правительства Шумана.

Рене Мейер — не только главный виновник нищеты, от которой страдают трудящиеся Франции. Это типичный представитель «американской партии», усердно отдающей Францию во власть магнатов доллара.

Тесно связанный родственными узами с известным банкиром Ротшильдом, Рене Мейер начал свою карьеру в качестве судьи при Государственном совете — верховном судебном органе Франции, занимающемся рассмотрением дел между Французской республикой и частными лицами. Можно представить себе, как «беспристрастным» судьей был этот представитель «200 семейств» при разборе дел, большая часть которых затрагивала интересы его касты!

В 1928 году Мейер вышел из Государственного совета и стал тайным директором фамильного банка Ротшильда — «Смог-франс» Ротшильда. По старой традиции, управление делами этого банка никогда не поручалось лицу, носящему фамилию Ротшильда.

Уже спустя десятилетие, накануне второй мировой войны, Рене Мейер был официальным представителем ротшильдовского банка в добром десятке крупных капиталистических объединений. Кроме того, в качестве «мозга» семьи Ротшильдов он контролировал все нефтяные, электрические и металлургические предприятия страны, а также значительное количество других промышленных фирм и многие крупные банки.

Через него проходили тресты, с которыми Рене Мейер был связан в тот период, поражаемый своим объемом и разнообразием. Тут немецкий электрический трест «А. Е. Г.» и английское агентство путешествий «Кук», индийский банк «Сасун» и испанские фирмы «Динамит» и «Пенарройа», бельгийское банковское отделение «Амран» и две мировые нефтяные монополии «Ройял-Датч» (англо-голландская) и «Стандарт ойл» (США).

Таким образом, Рене Мейер, имя которого было мало известно французскому народу, в 1939 году являлся фактически хозяином огромной доли всех богатств Франции. Помимо того, через его руки проходила значительная часть богатств всего капиталистического мира.

Самой собой разумеется, что в такой буржуазной республике, как Франция, политическая власть магната Рене Мейера была чрезвычайно велика. Он широко пользовался этой властью, оставаясь, как правило, за кулисами.

И все же однажды Рене Мейер вмешался в политику открыто. Этот эпизод со всей ясностью показывает ту пагубную роль, какую тресты играли во французской дипломатии в период между двумя мировыми войнами.

В 1934 году банк Ротшильда решил расширить поле своей деятельности за пределами Франции. Осуществление этого плана требовало личного участия представителя ротшильдовского дома в правительстве, и Рене Мейер вошел в кабинет президентов Шера Лавала.

Первый проект Мейера заключался в предоставлении займа фашистской Италии.

Из этого международного преступления — похищения итальянской казны, осуществленного в связи с агрессией против Абиссинии, — хотел извлечь выгоду Рене Мейер. Попусто он надеялся таким путем укрепить подготавливавшийся Лавалем англо-итальянский союз между Парижем и Римом.

В качестве «технического сотрудника» Мейер сопровождал французского премьер-министра в Стрелу. Пока Лаваль и Муссолини обсуждали там планы международного разбоя, Рене Мейер предлагал банку Виллину, члену фашистского «Большого Совета», крупную финансовую махинацию. Но ротшильдовский ростовщик слишком преувеличил свои претензии, и так как у Муссолини в капиталистическом мире не было в ту пору недостатка в заемщиках, — дело провалилось.

Через некоторое время Рене Мейер совершил еще одну поездку в составе французской правительственной делегации. На этот раз — в Москву. Он не рекламировал своего участия в делегации; наоборот, Мейер потребовал, чтобы о его присутствии ничего не говорили журналистам, дабы гласность не помешала его секретным намерениям...

После провала Лавала Рене Мейер официально больше не появлялся на политической арене вплоть до второй мировой войны. Но он ни на одну минуту не прекратил закулисного воздействия на политику Франции.

Не следует забывать, что инспирированием преследования всех прогрессивных элементов внутри страны и в первую очередь коммунистов, вдохновителями всех производимых в то время наглых антисоветских демаршей правительства являлись Рене Мейер и подобные ему вассалы трестов. Это они — авторы всевозможных темных махинаций, которые вылились в фашистские истории всецело стараются замаскировать, — вернули мир в прощальную военную катастрофу.

Среди лиц, несущих ответственность за вторую мировую войну, Рене Мейер также занимает видное место. Достаточно вспомнить, например, роль, которую играл банк Ротшильда в удешевлении испанской республики, или операцию по продаже акций чехословацкой фирмы «Шкода» после Мюнхена.

Вторжение немцев во Францию застало Мейера в Лондоне, где он занимался выгодным делом: закупкой вооружения. Перед ним возникла неотложная проблема — спасти то, что еще можно было спасти, ибо, в отличие от подавляющего большинства французских капиталистических предприятий, банк Ротшильда как «американское предприятие» не мог рассчитывать на сотрудничество с фашистской Германией. Выход был только один — банку предстояло сделаться вассалом американских монополий. И Мейер пошел на это.

Так в жизни крупнейшего банковского воротилы Франции наступила новая полоса. Он превратился в лакея империализма янки. Эту новую роль Рене Мейер стал выполнять с 1943 года.

С тех пор каждый шаг, производимый по приказу Вашингтона, принимал Рене Мейеру все более высокое место во французском государственном аппарате. С ноября прошлого года — он министр финансов. Рене Мейер столь нагло

раскрыл свою настоящую натуру, что даже жалкий Робер Шуман, который давно потерял способность краснеть от стыда, в своем правительственном заявлении чуть ли не просил прощения за выбор такой кандидатуры.

Но извинения перед парламентом, большинство которого готово послушно выполнять все приказы, исходящие из США, оказались излишними. Шлеманник Ротшильдов, ставший американским агентом и оруженосцем де Голля, без труда занял место рядом с «социалистом» Жюлем Мок.

Деятельность Рене Мейера не замедлила сказаться. Он явился одним из основных инициаторов антибюджетных законов, принятия которых требовал Уолл-стрит, чтобы сменить сопротивляющиеся свободному французскому народу. В январе он обещивает франк, чтобы облегчить вторжение доллара во Францию. Но ввиду из-за океана Мейер без всяких колебаний окрестил своим именем план разрушения экономики страны, цель которого — помешать французским предприятиям конкурировать с американской промышленностью. За два месяца Мейер обещал себе почетное место среди магнатов Франции. Даже его друг, предатель Лаваль, не осмеливался в свое время действовать так открыто.

Разоряя Францию, Рене Мейер, разумеется, не забывает умяотать приходы банка Ротшильда. Наплыв долларов позволяет совершать выгодные биржевые операции. Разорение французских предприятий открывает широкие возможности для спекуляций на их покупке.

Мировое общественное мнение с отвращением узнало о возобновлении торговых отношений между Французской республикой и фашистской Испанией. Это не только результат крупного маневра, предпринятого американскими экспансионистами, но также выгодное дело для Мейера и его близких. Он лично является управляющим двух испанских страховых обществ и железной дороги Мадрид—Сарагоса. Его родственник (барон Робер де Ротшильд) фигурировал в административном совете фиделеровой фирмы «Пенарройа». Отец Мейера был одним из руководителей испанского общества вырытых вестей «Динамит». И если открытие границы является преступлением с точки зрения всех подлинных демократов и серьезно подрывает безусловный авторитет Франции, то оно безмерно выгодно для всех тех, чьим рулоном является Рене Мейер. «Золотой трест» Ротшильдов получил свою долю добычи.

В 1872 году банк Ротшильда поставил французскому правительству своего министра финансов — некоего Леона Сей. За установление своего контроля над буржуазной республикой банк гарантировал уплату 5 миллиардов франков, которые побежденная Франция должна была в виде контрибуции выплачивать Пруссии.

Спустя семьдесят пять лет банк Ротшильда вновь навязал Франции своего министра финансов. На этот раз он уже ничего не гарантирует взамен. Ничего, кроме порабощения французской экономики магнатами Соединенных Штатов Америки. Ничего, кроме превращения Франции в плацдарм американского империализма. И ничего, кроме разрухи, рабства и бесчестия.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

Вся история Ротшильдовского банка — это история порабощения Франции американскими монополиями. И Мейер пошел на это.

На XX съезде английской компартии Гарри Поллит заявил, что в конечном результате политики Вилли-Бевина Англия будет «служить авансцем американского империализма в новой мировой войне».

Рис. Л. ВРОДАТЫ

НА ПРИКОЛЕ

А. ЕЛИСТАТОВА

Между двух миров

Антифашистская эпопея
Эптона Синклера

Недавно вышедший в переводе на русский язык роман «Крушение мира» — пролог к многогранной серии антифашистских романов Эптона Синклера. Действие начинается незадолго до первой мировой войны и, по замыслу автора, должно быть доведено до наших дней.

«Крушение мира» представляет для советских читателей немалый политический интерес. Синклер разглагольствует здесь широко панораму международной жизни в эпоху первой мировой войны. События показаны так, как их видит Ланни Бадд — центральный герой, связывающий все романы этого цикла.

Ланни — потомок династии Баддов, пущенных королей, «американских крупных», как называет их Синклер. Наследник фамильного бизнеса, он с юных лет был вовлечен в орбиту захватнических интересов крупных монополий. Синклер ставил своего героя с многолетним опытом — как действительным, так и вымышленным — представителями международной империалистической реакции, подготовившими первую мировую войну.

Тинична фигура знаменитого торговца оружием, Базиль Захаров, хозяин крупнейшей фирм «Виккерс» и «Шнейдер-Крезо», финансирующего не одну анти-советскую авантюру в первые годы после Октября. Не менее типичен образ Курта Мейснера, приятеля Ланни, действующего в конце романа — перед заключением Версальского мира — в качестве германского шпиона. Мейснер и его родичи — представители прусского мажорно-реакционного юнкерства, той среды, которая поставила высшее кадровое офицерство армии кайзера, а позднее — армии Гитлера.

Отец Ланни, Роберт Бадд, с типичной открытостью поощряет сына в тайны «смеридной войны... за вооружение, за уголь, за сталь, за нефть», определяющей империалистическую политику мировых держав. «Можно сказать без преувеличения, что все навские под Верденом и все гнобущие сейчас на полях сражений — это жертвы, принесенные ради корысти бизнеса, которые держат в руках и газеты, и политические деятели Франции...» — хладнокровно поучает сына этот предприниматель современных политиков.

«Для нас война окончилась слишком скоро. Кто мог предвидеть, что Германия распылится, как картонный домик!...» сетует Роберт Бадд после капитуляции Германии. «Фабрики смерти», для которых война была настоящим золотым дождем, не могут примириться с прекращением колоссальной сверхприбылей военного времени. Им нужны новые рынки для их смертоносной продукции, которую забыты завозские склады. Они проносятся и разжигают новые международные конфликты, яростно готовят интервенцию против молодой Советской республики. «Предполагаемая война с Россией была последней надеждой торгового представителя заводов Бадд», — пишет Синклер.

Немало сатирических страниц посвящает автор описанию Версальской конференции, за кулисы которой проникает его герой в качестве секретаря одного из референтов американской делегации. Читатель найдет в романе Синклера много красочных подробностей, характеризующих закулисные методы, посредством которых финансово-промышленные монополии привносят в действие государственную аппарат, военную машину и «репутацию прессу» леводемократических империалистических держав Антанты.

История тридцатилетней давности в романе Синклера выглядит особенно поучительной и актуальной сегодня, когда международная реакция, руководимая американским империализмом, начинает новый поход против Советского Союза, против

Эптона Синклера. «Крушение мира». Роман. Совершенно новый перевод с английского В. Толер О. Хольской. Предисловие Б. Назкова. Государственное изд-во иностранной литературы. М. 1947, стр. 707.

стран народной демократии и готовит третью мировую войну. Иные из разоблаченных Синклером деятелей империалистической реакции и полные не сопли с исторической сцены, как, например, «потомок воинственного герцога Мальборо» Уинстон Черчилль, который фигурирует в «Крушении мира» в числе незадачных организаторов «кредитового похода» против молодой Советской республики. Многие факты прелестельской тайной «работы» международного альянса империалистов, приводимые Синклером в связи с событиями первой мировой войны, подтверждаются и опытом нашего времени.

Но в романе Синклера есть вместе с тем и слабые стороны. «Социалист чувства, без теоретического образования» (как охарактеризовал его Ленин), Синклер сохранил многие буржуазно-демократические иллюзии и предрассудки. Отсюда — исправленное осуждение некоторых злобных моментов мировой истории: отсюда же и узковидность — как в идейном, так и в художественном смысле — общего замысла всей серии романов, открывающейся «Крушением мира».

В романе Синклера не раскрыта подлинная сущность «миролюбивой» делегации Вудро Вильсона. Президент США Вильсон предстает у Синклера как наивный, не уснувший в политике, полный багач, хотя и несущественных намерений, либерал-патрист, которого против его воли прибрали к рукам заправные Уолл-стрит. Совершенно иначе расценивали политическую деятельность Вильсона вожди революционного пролетариата — Ленин и Сталин. В статье «Империализм буржуазный и национал-социалистический» Ленин еще в январе 1917 года гениально предугадывал агрессивные-реакционные намерения и цели будущей мировой политики США. Ленин писал: «...выступление Вильсона являлось ложью и лицемерием, ибо Вильсон есть представитель буржуазии, нажившей миллиарды на войне, есть глава правительственной, доведшего до бедствия вооруженные Соединенных Штатов явля в целях второй великой империалистической войны...»

Синклер рисует розовыми красками походящий от Вильсона проект конференции на Принцевых островах, где по плану союзников Советская Россия должна была бы участвовать наравне с белогвардейскими «правительствами». В действительности, организация этой так и не состоявшейся конференции была не более как отчаянный маневр антисоветской дипломатии союзных держав. Политический смысл этого маневра был разоблачен тогда же советским правительством.

Весьма распыляющая охарактеризована Синклером политическая физиономия молодого Буллата, злейшего поджигателя войны, врага СССР.

Главным недостатком общего замысла всей серии романов Синклера, открывающейся «Крушением мира», является то, что она строится не как история непримиримой, смертельной борьбы с фашизмом демократических сил, возглавляемых Советским Союзом, но как история цивилизованного жизненного опыта «справданных богачей», космополита-американца Ланни Бадда. Синклер пытается, правда, искусственно втиснуть в рамки этого индивидуального опыта фактическое богатство событий мировой истории последних десятилетий. Его герой присутствует, по воле автора, при заключении Версальского мира, при «походе» Муссолини на Рим, при мюнхенском пакте, при пожаре рейхстага, при вступлении интернациональной бригады в Мадрид, при «санктос-» Австри, при заключении мюнхенского пакта и при захвате Чехословакии гит-

лерской Германией... Гитлер и Муссолини сами раскрывают Бадду свои карты; президент Рузвельт делает его своим тайным агентом в Европе.

Такое построение романа преводит, однако, не только к крайней искусственности сюжета, но, что значительно важнее, — к затененности основной проблемы всей эпопеи — проблемы движущих сил борьбы с фашизмом. В «Крушении мира» герой Синклера стоит еще на распутии «между двух миров». Он смутно сочувствует Октябрьской революции, отголоски которой докатываются до него в Париже; но сохраняет и свое привагированное положение потомка «династии Баддов» и дружбу с германским шпионом Мейснером, которому помогает спастись от французской полиции.

В романах, следующих за «Крушением мира», Ланни Бадд занимает место в антифашистском лагере. Но политическое лицо героя остается на протяжении всех известных нам томов антифашистского цикла Синклера нарочито неопределенным. Он — из «розовых», но отнюдь не из «красных», подчеркивает автор. Ланни Бадд выступает у Синклера, как носитель некоего абстрактного, по существу буржуазного, демократизма. При этом антифашистская «деятельность» Ланни, хотя и совпадает временами с интересами народных масс, противостоит фашизму, развивается в нарочито обособленном, индивидуальном русле. Свои «подвиги» он совершает в одиночку, на свой страх и риск, используя, главным образом, свои светские связи. Так он освобождает из фашистского концлагеря своего друга, молодого социал-демократа Фредди Робина; так спасает он из франкского плена английского летчика, сражающегося за республиканскую Испанию; так проникает в самое логово национал-социалистского хитловца, становясь, до поры до времени, своим человеком в домах Гейбельса, Геринга и Гесса, совместно с которыми он устраивает спиритические сеансы! Отрицая «лушечных королей» Америки, личный агент Рузвельта, выполняющий тайную американскую миссию в Европе, Ланни Бадд превращается у Синклера, по мере разворачивания его истории, в следующих томах эпопеи в символическую фигуру. Автор, повидному, не прочь был сделать своего героя носителем некоего мифического «здорового» американизма, со снисходительным сочувствием взирющего на бедствия Европы — «несчастного континента», оскверненного фашистской чумой.

Такая трактовка антифашистской темы не могла не сказаться и на художественной стороне эпопеи Синклера. Внешний сенсационный мелодраматизм положений нередко подменяет в ней действительную глубину в изображении коллизий «двух миров». Описание нравов «правданных богачей», срывающих цветы удовольствия на международных курортах Европы, занимает в романе немалую долю места и, при всей своей ироничности, сбивает временами на «великосветскую хронку» американской газеты. Уже в «Крушении мира» мистические мотивы вторгаются в реалистическое воспроизведение событий и усложняются в следующих томах, где попытки установить «спиритическим» путем связь с «потусторонним миром» составляют чуть ли не постоянное занятие целого ряда персонажей, в том числе и главного героя.

Синклер, как критический реалист, терпит жестокое поражение всюду, где платит дань буржуазным предрассудкам и иллюзиям американских обывателей. И тем не менее, «Крушение мира» заслуживает внимания советского читателя, поскольку автор, там, где он возмущается над этими предрассудками и иллюзиями, сумел отобразить в этом романе хотя бы некоторые существенные стороны реакционной деятельности международных агрессоров — поджигателей первой мировой войны.

Мих. МАКЛЯРСКИЙ Почти племянники божьи

Те времена, когда католическая церковь боролась против «неугодных богу зрелищ», остались далеко позади. Сегодня театр и кино используются, как гибкое оружие реакционно-карьерной пропаганды. Ватикан даже организовал международный католический киноцентр «ОСНИ» (Office catholique international du cinema). Из «созданных в Брюсселе было принято решение: срочно завершить кинофикацию церквей, конгрегаций, духовных школ, институты и монастырей.

В течение 1948 года, — решил съезд, — должно быть введено в действие 11 тысяч новых киноаппаратов, главным образом, у католиков. Если люди ищут развлечения, церковь должна пойти им навстречу.

В одной только Италии шесть кинофирм выпускают исключительно католические картины.

Созданная сравнительно недавно крупная фирма «Универсалия» — типично ватиканская международная организация — готовит боевые об основатели несутского ордена Игнатия Лойоле. В постановке этого фильма принимают участие итальянцы, испанцы и португальцы.

Явное представление об истинном характере католической кинематографии дает недавно вышедший в Италии фильм «Блуждающий еврей».

На экране обстоятельно воспроизведены детали преследования евреев со стороны гитлеровцев, расовая ненависть, Освенцим, погромы. Казалось бы, превосходный материал для антифашистской пропаганды. Однако на деле это типичный фашистский фильм, в котором под прикрытием лицемерных призывов к милосердию всецело доказываются, что гитлеровцы выполняли божественную миссию.

Те же человеконенавистнические идеи проповедаются в фильме о Христофоре Колумбе, полностью оправдывающем варварство конкистадоров, хладнокровно истреблявших индейцев и индейцев, ибо все это объясняется угодно богу делом.

В фильме об Игнатии Лойоле преступления ордена несутов окужены ореолом, так как совершаются «во имя вышней славы бога». Этот фильм преследует и другие цели. Он должен реабилитировать в глазах широких масс несутскую политику Ватикана, его лицемерие и демоногно.

Частая фашистская кинематография в 1947 году также разрешилась католичес-

ским «боевиком» «Святая королева» (об Изабелле Кастильской). Рассчитывая на покровительство Ватикана, франкисты вознамерились продемонстрировать свое детство на венецианском фестивале, но натолкнувшись на решительное сопротивление всех прогрессивных деятелей итальянской кинематографии. Не везет Ватикану с «эзбуржанным богом искусством, которому дано стать почти племянником божьим» (так называют кино в Ватикане после энциклики папы XII).

После разгрома фашистской Италии важнейшей политической и финансовой опорой для Ватикана стали США.

За последние годы, в результате настоящих стараний Ватикана, в Голливуде значительно возросло производство фильмов религиозного содержания. Голливудские кинорежиссеры: Мак-Кери, Генри Кинг, Норман Таурог и другие даже специализировались на постановках фильмов этого рода.

Одним из активнейших деятелей католической церкви в США является небезизвестный кардинал Спелман — архиепископ нью-йоркский. Реакционная американская печать не имеет оснований для недоверия к нему. Помимо своей основной специальности — папства и «духовного отца махал сик», — кардинал Спелман владеет и подобными профессиями, которые дают немало поводов для сенсационной хроник. Он получил шиферские права, он первый католический архиепископ, обладающий пилотским свидетельством. Кардинал Спелман один из самых открытых мралобесов в США, и американская реакция недаром добивается его назначения на пост министра иностранных дел Ватикана. У Спелмана общий язык и единые мысли не только с Маршаллом и Трумэн, он поддерживает вполне деловые связи и с прославленным кинематографом Эриком Джексоном, так как в перечисленных выше «дарованиях» кардинала с некоторыми пор присоединился новое: он стал киноцензором. За свой последний вопиюще бездарный сценарий кардинал получил 120 тысяч долларов. Недавно на экранах Америки демонстрировался пропагандистский фильм о Ватикане, с дикторским текстом Спелмана, за что Спелман также получил кругленькую сумму.

Общность интересов Ватикана и американской реакции находят свое отражение, в частности, и в постановке антисоветских фильмов.

Как сообщает итальянская газета «ля република», в Америку был специально вызван из Португалии несут отец Роме, который привез с собой сюжет для антисоветского сценария. Этот несут пользуется

покровительством американского прелата высокого ранга — отца Конкэнна, незамедлительно порекомендовавшего режиссеру Мак-Кери купить этот сюжет, что последний и поспешил сделать. Конечно, все это происходило с благословения кардинала Спелмана.

Не все ватиканские круги с равным интересом относятся к «католической» продукции Голливуда. Так, например, орган католического киноцента — журнал «Рависта дель Киноматографо» сокрушено пишет, что американские фильмы не достигают желаемого эффекта.

«Во время войны», — говорится в статье, опубликованной в этом журнале, — установились сердечные отношения между правительством Соединенных Штатов и Ватиканом. Голливудские кинокомпании связаны тесными узами с Уолл-стрит. Ланни Голливуда — это, следовательно, линия правительственной США, что, казалось бы, должно благоприятствовать развитию католической кинематографии. Однако в погоне за кассовым успехом голливудские компании изображают святых и служителей церкви в непристойных для них рента ситуациях. Так, в двух фильмах Мак-Кери — «Мой путь» и «Колокола св. Марии» — центральное место занимает любовная интрига. В первом фильме — между священником и невестой, а во втором — между священником и монахиней. Это совершенно недопустимо для престижа церкви. Мало того! Монашка обучает своих питомцев боксу и от одного из них даже получает крепкого тумака...»

Рецензируя фильм о Франциске Ассизском, журнал заявляет, что «перед зрителем этот святой предстает в майке».

По большому же благочестивые рецензии сокрушаются по поводу того, что те же самые «звезды», которые играют в католических фильмах, в других картинах, нередко плущих одновременно на экранах, описываются в «ролях блудниц, зачастую почти голых и в самых вызывающих позах».

Официальный орган Ватикана — «Обсерватория Романо» не смеет так открыто критиковать Голливуд. В статье, посвященной религиозным фильмам, те же самые голливудские боевики, о которых сокрушается «Рависта дель Киноматографо», восхваляются как «полюбно католические». Между тем католические фильмы, будь то американские, итальянские или французского производства, систематически терпят фиаско. И этому не может помешать вся рекламная шумиха, поднятая вокруг них.

Факты без комментариев

С КОГО ОНИ ПОРТРЕТЫ ПИШУТ

Как сообщает «Нью-Йорк таймс Бук ревю», в США существует весьма модное в настоящее время литературное течение, именуемое себя «монотворной школой». «Отцом» этого течения является режиссер, постановщик многих детективных кинофильмов Хичкок.

Герои романов, написанных сторонниками «монотворной школы», — это всегда алкоголики, психотаты, шпионы, шулеры, диверсанты и т. д.

КОВАРНОЕ ПРИВИДИЕНИЕ

Священник церкви в Сент-Эндрюс (Англия) заявил, что его посещает привидение, которое мешает ему спать и нередко пугает посещающих его гостей.

Лондонская газета «Ньюз оф уорлд» посвятила этому случаю большую статью на первой полосе. В беседе с корреспондентом этой газеты священник сообщил, что хотя он лично никогда в глаза не видел привидения, но слышал его и чувствовал, как оно прикасалось к нему и даже его шекотало.

Для проверки этого утверждения священника был привлечен ряд ученых экспертов: один из них заявил, что он по запаху определил присутствие привидения в помещении, а другой с удивительным сообщил, что ему удалось изгнать привидение.

ПЛОДЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ

Библиотекаря в Балтиморе (США) долго разыскивала читателя, но безуспешно взяв из него книгу «Практический курс слесарного дела». Наконец, она обнаружила его в тюрьме, куда он попал за кражу со взломом.

Всероссийское совещание заведующих кафедрами литературы педагогических и учительских институтов

На заседании секретариата
Союза советских писателей

В мемориальные комнаты обычно не входят, а только стоят перед открытой дверью, поперек которой протянут шнур, как бы напоминающий: когда-то в этих стенах была жизнь, а теперь это лишь предмет изучения и воспоминаний. Но все мы, встретившиеся на днях в музее Николая Островского, не только вошли в мемориальную комнату, но и разместились в ней так же непринужденно, как, бывало, при жизни писателя сидели здесь по вечерам.

Так же мягко пламенеет свет лампы, накрытой куском алого шелка; так же расставлена знакомая мебель, а на столике возле кровати, как когда-то в рабочие часы, стоит пишущая машинка, на валушке которой белеет печатная страница, одна из страниц романа «Рожденные бурей». Но не только эти, давно знакомые, предметы создают впечатление продолжающейся здесь жизни, а главным образом, — наша общая дружеская беседа. Среди нас, старых друзей, находится люди, с которыми мы познакомились только сегодня вечером. Это писатель не мешает взаимному поощрению и единению. В нашем оживленном разговоре нет решительно ничего «музейного»; напротив, все дышит сегодняшним днем. И кажется, что Николай Островский лежит тут же на постели, запрокинув голову, и слушает нас со своей обязательной улыбкой, которая так часто преобразовала его, на первый взгляд, безразличное лицо, — с улыбкой, которая, к сожалению, не запечатлена ни на одном портрете писателя...

Новые наши знакомые — замечательный ленинградский завод «Красный выборжец» Дубинин, мастер московского завода «Фрезер» Пыжов, заместитель секретаря комсомольской организации «Фрезера» Кирьяничев, журналист Лившиц и Алевтина Зенко, секретарь Московского райсовета Ленинграда.

В нашей беседе то и дело сплетаются воедино книга писателя и жизнь народа. Годы войны и мира встают перед нами. Как помогает нам в труде наша духовная культура — культура социалистического общества! Какой яркий свет бросает она далеко за пределы нашего государства... Это-то вспоминает о писателе, которое получила мать Николая Островского от югославских юношей и девушек. Они прорубили в горах своей родины железную дорогу и написали это письмо при свете ночного костра. И, видимо, им было очень важно, душевно необходимо написать это письмо, как нам сегодня — сойтись в музее Островского и дружно поговорить...

Да, образ Кочагина живет в мире. ...В те трудные дни, когда сталинградцы-воины отставали каждый дол священного для нас города, а сталинградцы-

работники под огнем продолжали в цехах производить оружие, лейтенант Пасхия на заводе, находившемся уже на линии боя, беседовал при свете лампы с комсомольцами о том, есть ли предел мужества. Воскресив в памяти любимый образ героя книги «Как закалялась сталь», он доказывал, что мужество беспредельно, если человек знает, за что воюет. Он думал, что говорит только о сталинградцах, о людях фронта; он и не мог догадаться, что в это время, далеко на Урале, комсомольцы Ирбитского завода сговорились называть самых передовых своих товарищей корчагинцами. После войны они отправились в сочинский музей Николая Островского подарком — дорожную вазу — и письмо, в котором просто и сердечно поведали о том, как герой художественного произведения сошел со страниц книги и своим примером поддерживал людей и помогал им в тылу ковать победу.

Об этом письме ирбитских комсомольцев вспоминает теперь Григорий Матвеевич Дубинин. Потомственный рабочий завода «Красный выборжец», Дубинин месяц тому назад отъехал в Сочи, где выполнял свое пятилетнюю норму. В сочинском музее он задумался над этим письмом. Он живо представил себе дружную кучку юных ирбитских рабочих, которые с молодой горячностью ввели Павла Кочагина в свою жизнь, сделав его им знакомым труда. Письмо разстроило Григория Матвеевича. Ему ли, фронтовику, было не знать, что многие молодые воины в частях Советской Армии и Флота называли себя корчагинцами.

Теперь, в дни послевоенной сталинской пятилетки, по-новому свежо и волнующе звучало напоминание о Павле Кочагине. Дубинин рассказывает, как он поделился своими мыслями с отдыхающими и нашел среди них живой отклик. Вот они снова собрались теперь в Москве, его сочинские товарищи: тут и 56-летний Иван Ильич Пыжов и молодая девушка-москвичка Катя Федорова. Год тому назад она по собственному желанию перешла из бухгалтерии в литейный цех завода «Шарикоподшипники» и стала мастером.

Для каждого из них книга и жизнь неразделимы. Это замечательная особенность советского человека. Дубинин из Сочи написал секретарю своей партийной организации и вложил письмо в книгу «Как закалялась сталь» с автографом Екатерины Алексеевны Островской, сестры писателя. Сейчас, когда он рассказывает нам об этом, оставившись в столице по пути в Ленинград, он уже получил ответное письмо с родного завода, — там уже называют корчагинцами молодых ребят из бригады Журавлева. Они недавно окончили ремесленное училище. На заводе всегда считали, что на гидропрессе в 1.500

тонн могут работать только старые опытные рабочие. Между тем, молодая бригада не только научилась работать на прессе, но и установила новый обычай: в каждую смену увеличивать часоопераций.

Старый металлист, непартийный большевик Иван Ильич Пыжов, вернувшись после отъезда на свой родной «Фрезер», тоже поделился своими соображениями с некоторыми коммунистами и комсомольцами. И на «Фрезере» появились корчагинцы — отличники производства...

Каждый из нас, участников беседы, понимает и чувствует одно — самое главное: если комсомольско-молодежная бригада присваивает себе, как высокую честь, имя героя любимой книги, это значит, что мастерство молодых стахановцев окрашено в цвета подлинной поэзии, и этот трудотворчество представляет собою одну из прекрасных черт того нового, в чем уже дышит коммунизм! Эта черта может проявиться лишь благодаря тому, что советский человек трудится, творит, действует в огромной орбите социалистического соревнования и стахановского движения, неустанно обогащаемого созидательной волей трудового народа, его любовью к Родине и его непрерывным культурно-политическим ростом.

Живя в атмосфере трудового порыва, молодой человек и девушка выбирают себе девиз и пример, их вдохновляющий, они следуют ему, как голос поющего следуют мелодии и словам песни. В великом наследстве нашей духовной культуры советская молодежь находит много славных имен и светлых образов, которые служат ей примером и девизом.

«Да здравствует жизнь!» — так сказал Николай Островский, когда ему вручили орден Ленина.

Жизнь вознаградила его. Она его не уступила смерти.

И мы, писатели, гордясь героем, который продолжает свое бытие в жизни, видим в этом для себя важное напоминание: да ведь именно этого должны желать каждый писатель! Именно о таком вторжении своего героя в жизнь и мечтает каждый из нас.

Образ неутомимого, веселого, бесстрашного Павла Кочагина, образ-девуз, поэзия на службе живой действительности напоминает всем нам, писателям, критикам, поэтам: будем создавать, будем осмысливать явления советской литературы не только в пределах их узко-художественного бытия, но и в огромной сфере их служения народу.

В совещании, созванном Министерством просвещения и Академией педагогических наук РСФСР, приняло участие свыше 700 преподавателей литературы педагогических вузов республики, а также представители университетов, военно-учебных заведений, Союза советских писателей, Министерства высшего образования СССР и других организаций. Вузы союзных республик также прислали своих делегатов.

Открытое совещание, министр просвещения РСФСР проф. А. А. Вознесенский указал на главные задачи, стоящие сейчас перед преподавателями литературы в высшей школе, и призвал участников совещания к суровой большевистской критике недостатков педагогической и научно-исследовательской работы в вузах.

С докладом «Итоги философской дискуссии и задачи литературной науки» выступил член-корреспондент Академии наук СССР А. М. Егolini. Докладчик положительно оценивает повысившиеся за последнее время работы советских исследователей «Ленин и проблемы русской литературы» Б. Мейлаха, «О Горьком» Б. Бялика, «Грибоедов и декабристы» М. Нечкиной. Вместе с тем, А. Егolini подробно остановился на принципиальных ошибках и недочетах в ряде литературоведческих работ.

— В нашем литературоведении, — сказал А. Егolini, — имеет место объективистское, апологичное отношение к буржуазной науке, к концепциям буржуазных ученых, попытка амнистировать эти концепции. Вместо непримиримости в борьбе со своими противниками некоторые литературоведы отдают дань академическим традициям старых буржуазных школ и стремятся даже в буржуазных ученых «видеть прежде всего союзника по профессии, а потом уже противника» (А. А. Жаанов). Забывание партийности, невнимание к вопросам марксистско-ленинской теории — таковы источники этих явных ошибок.

Оживленные прения вызвали доклады проф. А. Ревкина о состоянии и задачах преподавания литературы в вузе и проф. Н. Бельчиковой о научно-исследовательской работе кафедр литературы. Докладчица делала конкретный анализ существующих недостатков в работе литературных кафедр и факультетов. Н. Бельчиковой критиковала, в частности, «Ученые записки» ряда педагогических вузов, оторванные от актуальных задач советского литературоведения, посвященные темам отдаленного прошлого.

Выступавшие в прениях товарищи обратились с серьезными и обоснованными претензиями к Министерству просвещения. — До сих пор у нас еще нет хороших учебников по литературе, — сказал тов. Крашова (Тамбов). — Министерство не привлекает к работе над учебниками для вузов широкие круги специалистов и преподавателей.

Тов. Новикова (Тула) отметила, что Министерство плохо руководит научной и издательской деятельностью институтов. Так, например, подготовленный к печати сборник «Ученые записки» Тульского педагогического института 4 месяца пролежал в Министерстве просвещения, после чего был возвращен обратно с отговоркой, что никакой помощи в рецензировании сборника министерство оказать не может.

Тов. Жак (Саратов) критиковала министерство за то, что оно до сих пор не дало ни программ, ни объяснительной записки к вступительному курсу по советской литературе. Структура этого курса никому не известна, каждый читает его по-своему, на свой риск и страх. Прежде министерство, отменившего курс литературы народов СССР.

К мнению тов. Жак присоединилась тов. Былов (Сталинобад), Климович (Москва) и Пехтелев (Казань). Последний указал также на недопустимое отношение к курсу истории русской критики. Этот курс читается факультативно, то вовсе исключается, то вводится снова.

Тов. Михальсон (Краснодар) подверг резкой критике учебник А. Цейтлина по

русской литературе, которым из-за отсутствия других пособий вынуждены пользоваться студенты. С критикой журнала Академии наук СССР «Известия отделения языка и литературы» выступил тов. Фатов (Черновцы), отметивший полную оторванность журнала от актуальных вопросов нашей литературы.

После заключительного слова докладчиков началась работа секций. На секции русской литературы (руководитель проф. Н. Бродский) был заслушан доклад проф. Н. Глаголева о русской революционно-демократической критике. Выступавшие в прениях проф. Б. Мейлах, т. Гусев (Челябинск), Назаров (Псков) и другие присоединились к основным положениям Н. Глаголева, отметив в то же время и некоторые существенные недостатки доклада: мало внимания было уделено Белинскому и Герцену; недостаточно освещен вопрос о том, что отделяет революционно-демократов от марксистов. Интересно прошло обсуждение доклада доц. Е. Ковальчик «Пути развития советской литературы». В обсуждении приняли участие доценты А. Мясников, Л. Поляк, В. Дружинин, А. Дементьев (Ленинград), проф. С. Малахов (Смоленск) и другие товарищи, обменявшиеся своими соображениями о том, как должен строиться курс советской литературы.

Секция заслушала также доклад проф. Л. Тимофеева об изучении теории литературы в педагогических вузах. Выступавший в прениях тов. Гвоздарев (Ярославль) отметил крупные недостатки учебника Л. Тимофеева по теории литературы.

Доцент Н. Трифонова посвятил свой доклад разбору недостатков в постановке практических и семинарских занятий по литературе. На секции западной литературы (руководитель доц. Р. Самарин) были заслушаны доклады доцентов А. Анникса и Е. Гальперной, посвященные основным этапам развития реализма в западно-европейской литературе. Обсуждение этих, как и других докладов свидетельствовало о несомненном идейно-политическом и научном росте преподавательских кадров периферии. Особенно интересными и содержательными были выступления тт. Неупокоевой (Вильнюс), Семенова (Ярославль), Вершиночкиной (Орел), Чирковой (Чебоксары), Катановича (Свердловск) и др.

В то же время следует отметить, что в некоторых выступлениях сказались ошибочное понимание важных вопросов истории западно-европейской литературы. Полемицируя с Е. Гальперной, Е. Домбровская заявила, что 1848 год не был переломным моментом для судеб буржуазного реализма. Еще большей путаницей отличалось выступление И. Нецаева (Калинин), который вовсе отрицал неизбежность кризиса и упадка литературы буржуазного Запада. Доц. Демешкин выступил с неожиданным слогословием по адресу А. Н. Веселовского.

На секции было также проведено обсуждение учебника по всеобщей литературе М. Алексеева, В. Жирмунского, С. Мокучевского и А. Смирнова (раннее средневековье и Возрождение).

После окончания секционной работы участники совещания прослушали доклады доц. А. Мясникова («Ленин и проблемы литературоведения»), проф. Б. Бялика («Основные проблемы социалистического реализма»), проф. Д. Благого («Мировое значение русской литературы»), доц. Т. Мотылевой («Мировое значение советской литературы»), проф. П. Богатырева («Основные проблемы изучения славянских литератур») и П. Скосырева («Проблемы изучения национальных литератур СССР»), а также доклад зам. министра высшего образования В. Светлова «Постановление ЦК ВКП(б) «Об опере «Великая дружба» В. Мурадели».

Участники совещания с большим подъемом приняли приветствие И. В. Сталину.

25 ЛЕТ ЖУРНАЛА «МНАТОБИ»

ТБИЛИСИ. (Наш корр.). Литературная общественность Тбилиси отмечает в этом году 25-летие старейшего литературно-художественного журнала «Мнатоби». В журнале печатаются художественные произведения писателей Грузии, статьи по вопросам советского строительства, науки,

философии, искусства, очерки о социалистическом строительстве.

В этом году «Мнатоби» опубликует два новых романа — Д. Шенгелая и лауреата Сталинской премии Л. Кичаели. Роман Л. Кичаели «Отец героя» посвящен эпопее обороны Кавказа в Великой Отечественной войне.

В декабре и январе на крупнейших целлюлозно-бумажных предприятиях (комбинатах Балашихинском, Вологодском, Архангельском, Краснокамском, Кондопожском, ленинградских и других фабриках) работали бригады Союза писателей и «Литературной газеты» в составе 43 писателей и журналистов Москвы и Ленинграда.

На заседании секретариата Союза советских писателей были заслушаны сообщения руководителей бригад и редакции «Литературной газеты». Рассказывая о своей работе и первых практических ее результатах, руководитель бригады А. Безыменский, Е. Долматовский, И. Молчанов, А. Первенцев, А. Авдеев выдвинули ряд практических мероприятий, направленных к тому, чтобы обеспечить подъем бумажной промышленности.

В прениях по докладам руководителей бригад выступили А. Барто, А. Раскин, Ц. Соколов, председатель ЦК профсоюза рабочих бумажной промышленности М. Кузнецов.

Министр целлюлозно-бумажной промышленности СССР т. Л. Грачев подчеркнул в своем выступлении, что все бумажники страны крепко почувствовали, что их повседневный труд находится в орбите внимания советской общественности. Огромную помощь оказывают партия и правительство целлюлозно-бумажной промышленности. Оно должно мобилизовать все возможности, все резервы для перевыполнения планов. На наших предприятиях люди поняли, что производством металла и угля, Союзом, заводом этого все более и более проникаются и становятся бумажной промышленностью. Проведая писательскими бригадами работа может быть оценена, как начало большого наступления, в результате которого должна быть решена основная задача — выполнение пятилетки в четыре года. Стахановцы бумажной промышленности надеются, что дружба писателей и бумажников будет продолжаться, и помощь, оказываемая писателями бумажной промышленности, даст еще большие результаты.

Генеральный секретарь Союза советских писателей т. А. Фадеев оценил работу бригад, как положительную. Практику командировок писателей и журналистов на предприятия бумажной промышленности следует продолжать, привлекая к участию в бригадах все более широкий круг литераторов.

Секретариат Союза советских писателей принял развернутое решение о дальнейшей работе бригад писателей на предприятиях целлюлозно-бумажной промышленности.

Секретариат утвердил постоянную комиссию по бумажной промышленности в составе: А. Безыменского (председатель), Е. Долматовского (зам. председателя), А. Аграновского, А. Авдеева, Н. Атарова, В. Коженикова, Л. Леонова, А. Литвака, А. Раскина, И. Молчанова, А. Первенцева, А. Прокофьева, Г. Фиша.

Секретариат Союза советских писателей СССР утвердил комиссию по проверке систем распространения книг в составе: Л. Лагина (председатель), С. Кирсанова (зам. председателя), И. Андроникова, Н. Асеева, А. Дунаевского, А. Котова, В. Лядина, М. Пришвина, А. Онуфриюка, М. Тараканова, В. Федоровича, Г. Хесина.

В помощь молодым писателям

КИЕВ. (Наш корр.). Украинское издательство «Советский писатель» приступило к изданию книг «В помощь начинающим писателям».

В ближайшем время впервые на украинском языке выходит книга М. Горького «О том, как я учился писать». Готовятся к печати книги Е. Адельгейма «За партийность в литературе», Л. Первомайского «О работе поэта», И. Стебуна «О боевых традициях украинской советской литературы».

В первом полугодии 1948 года издательство выпускает большой сборник статей «Максим Горький о литературе» и сборник «Украинские классики о литературе».

Совещание белорусских литературоведов и критиков

МИНСК. (Наш корр.). В Минске состоялась конференция руководителей кафедр социально-экономических дисциплин, педагогики и литературы.

Участники конференции прослушали ряд теоретических лекций, докладов и обменялись опытом работы. Много внимания конференция уделила вопросам преподавания литературы. Совещание заслушало доклады доцента И. Гуторова о социалистическом реализме, лектора Института литературы и языка Белорусской академии наук В. Борзенко — об актуальных проблемах белорусского литературоведения и задачах преподавания литературы в вузах.

Участники литературоведческой секции заслушали доклад доцента Московского государственного университета им. Ломоносова С. Василевича «Горький и Купала», в котором было конкретно продемонстрировано идейное и художественное влияние Максима Горького на творчество Янки Купалы и других белорусских писателей.

В те же дни союз советских писателей БССР провел совещание критиков и писателей, литературоведов и участников конференции о программах и учебниках по белорусской литературе для средних школ. На совещании, так же как и на конферен-

ции, отмечалась правильность выступлений «Литературной газеты» с критикой программ и учебников по белорусской литературе. Выступавшие указывали, что ряды буржуазного национализма, инкоплектности еще и сейчас встречаются в учебниках, критических и научно-исследовательских работах. Так, в курсе по фольклору доцент Белорусского государственного университета Барга приводил, как образец народной поэтики, стилистические приемы псевдонародной сказки «Человек — Солнце» и раскритикованной «Литературной газетой» и осужденной постановлением ЦК КП(б) в своем фольклорных записках и статьях доцент Барга допускает грубые идеологические ошибки, собирая и публикуя их через печать примитивные, антихудожественные и подчас вредные «произведения».

В фольклорных записках Барга «апортируются» безграмотные, косноязычные, псевдонародные выражения. И эту безграмотность, вредную отбегнувши Барга выдает за народное искусство, дискредитируя этим народ и его поэтическое творчество.

На заседаниях секции конференции и на совещании Союза писателей указывалось также на слабое руководство аспирантами,

в результате чего участились случаи искусственной фабрикации кандидатов наук, представляющих низкопробные, безграмотные и апологичные диссертации.

Выступавшие выражали удивление, почему Академия наук и Союз советских писателей БССР не издают сборников научно-исследовательских работ, почему университет и педагогический институт не выпускают Ученых записок. Это тормозит развитие марксистской науки и воспитание научных кадров республики.

При обсуждении проекта программ по белорусской литературе для средних школ выявились, что и последние редакции программ не отвечают требованиям советской школы. Особенно плохо составлена программа для 5, 6, 7-х классов. В ней нет лучших образцов белорусской литературы, нет раздела о литературе Западной Белоруссии, не представлена литература народов СССР, отсутствует индустриальная тематика. Методологический и методический уровень программы крайне узок.

Совещание решило создать комиссию из литературоведов, критиков и писателей в помощь авторам программ и учебников по белорусской литературе, а также открыть дискуссии на страницах «Литературы и мастацтва» по спорным проблемам белорусского литературоведения.

ГОЛОС ДРУГА

Мих. МАТУСОВСКИЙ

Алексей Максимович Горький, горячо мечтавший в деревенские годы о приходе нового читателя, с необычайной сердечностью и признательностью говорил об этом читателе-друге на сезде советских писателей: «...Читатель-друг, которого так страстно ждали честные литераторы России XIX века и который явился, любовно окружая нас и учил работать!», ошущая этот высказательный и строгой любви ни на секунду не покидает советского писателя — в тихом кабинете за рабочим столом, в дальней дороге или на трибуне во время творческих вечеров и встреч.

Советский писатель всегда и повсюду радывает волнующий гул своей невидимой гитарской аудитории. Наш читатель давно уже перестал быть простым потребителем литературы, он внимательно и пристально склоняется над языком, ища в ней надежного советника и единомышленника, сверяя каждую строку с самой жизнью, радуясь каждой удаче художника, не прощая ни малейшей фальши или неправды.

Мне довелось познакомиться с письмами читателей, приходившими ежедневно из всех концов Советского Союза в редакцию «Литературной газеты». Письма эти отель разнообразны и касаются всех вопросов жизни. Здесь мне хочется сказать о письмах, непосредственно относящихся к литературе. Достаточно только назвать какую-то сотню или тысячную часть авторов писем, узнать их профессии, перечислить края, где они живут, в темноте, как бы вынужденно, чтобы представить себе, как многообразен и широк ежедневный живой поток читательских откликов.

Пишет в армии старший лейтенант Тьяньков, пишет из Риги врач Упар. Вот на листке ученической тетради с

отпечатавшими полами — старательно написанное письмо краснодарской школьницы Давыдовой, прочитавшей «Кружничку». О литературных дискуссиях на страницах «Литературной газеты» пишут: рабочий владимирской библиотеки Мельцер, московский шофер Афонин, научный сотрудник Энергетического института Лейтин. Здесь записи Героя Советского Союза Пустыпнева, здесь письмо пемоньера, инвалида Отечественной войны Тимофея Кирпильевича Некрасова, а вот посылание целой группы ленинградских студентов, влюбленных в стихи Владимира Маяковского. Много дней добирался в Москву из Владивостока письмо лаборанта Дальневосточной базы Академии наук СССР Ковалева, откликнувшегося на недавние статьи о Дальневостоке. Из Тбилиси пишет читатель Шарпов, из Норильска — А. Дунаев. Новым стихам и песням Долматовского посылает свое письмо славский учитель из Татарии Афанасьев. Внимчиво и обстоятельно анализирует образ героя «Кружнички» Листопаз инженер-экономист Станковостроительного института им. Орджоникидзе Петроченко.

Что побуждало этих людей писать письма в «Литературную газету» в свободные от работы часы, после ночного дежурства на заснеженной снегами полярной радиостанции или в литейном цехе, освещенном зарницами плавок, — что заставляло этих людей встать за перо? Кривая заинтересованность в своей личной литературе и твердая вера в правду и могущество писательского слова. Быть может, в этих письмах встречается вам не очень точно выраженная мысль, иногда наиболее или ошибочное суждение, но можно поручиться, что вы не найдете здесь ни одного слова равнодушного, пустого, брошенного на ветер. Это говорит

читатель — великий друг и судья, ученик и учитель, это говорит читатель-металлург или каменщик, скромный рабочий летчик или прославленный Герой Советского Союза, чья жизнь сама стала повестью о настоящем человеке. Справедливо писал в своих записках Константин Симонов, что пришло время встать «не только то, как писатель влияет на читателя, но и как читатель, за эти тридцать лет сформировавший новые требования к литературе, как он фактом этих требований, фактом своего отношения к литературе в свою очередь активно влияет на нашу литературу».

Десятки читателей откликаются на обсуждение «Кружнички» — нового романа Веры Пановой. Здесь есть отзывы положительные и отрицательные, совпадающие и не совпадающие с критическими статьями о романе, но не в этом суть, — для читателя эти больше, чем дискуссия, и больше, чем литературный спор, это разговор о жизни и людях, о своей сегодняшней работе и мечте. Вызволнованно и трогательно пишет об этом ленинградский читательница М. Пожидалева: «Спор возник в педагогической среде. Оставить его неразрешенным нельзя. Я считаю, что Листопаз из романа Пановой является резко отрицательным типом. Два педагога выражают противоположное мнение. Для меня этот спор является не просто литературным диспутом. Вопрос этот меня волнует. Воспитывая двух детей, я всегда стараюсь привить им внутренние качества, абсолютно противоположные «лицонным», и во всяком случае не хочу, чтобы моя дочь была похожа на Листопазку». Какая священная ответственность ложится на плечи писателя, знающего, что его книга будет помогать матери воспитывать своих детей — будущих граждан коммунистического общества! Инженер Лейтин, подробно разбирая образ директора Листопаза, разъясняет о том, каким должен быть настоящий большевик-руководитель последовательного завода, и снова спор приобретает са-

мый насущный интерес и переклещивается за страницами книги. Жизнь не пропадет руководителям неумения исправлять свои ошибки и неспособности учитывать новые условия, — пишет Лейтин, — не могут простить Листопазу этих недостатков и читатели «Кружнички». Для каждого читателя, знакомого с производством, не подлежит сомнению, что если такой Листопаз за пределами романа Пановой не откажется от «самолитного» метода управления, то при дальнейшем росте завода успешность его руководства кончится так же быстро, как на страницах романа кончился успех начальная цеха Грушевого, не сумевшего работать в послесоветских условиях». Как характерна эта фраза: «за пределами романа», — для читателя роман не кончается с его последней страницей, герои повествования продолжают жить и трудиться за пределами романа, где-то совсем рядом с читателем. Вот почему инженер Лейтин говорит о Листопазе так заинтересованно, как о живом человеке, с которым, быть может, завтра ему придется работать на одном заводе.

Широк круг читательских интересов и произведений, на которые откликается народ. Тов. Ивашенко из города Дауджика пробует рассудить поэта Антокольского и критика Александрова в их споре о новой поэме Семена Крысанова, ленинградца Бригайдю пишет о творчестве Бориса Полевого, агроном Хромов разбирает рассказ Нагибина, напечатанный в «Огоньке», а колхозник Швейкин из села Красный Яр спрашивает, что сейчас пишут те или иные поэты и над чем работает А. Фадеев. «По этим вопросам у нас здесь на селе возникла целая полемика», — сообщает он.

Нашему читателю до всего это дело, он не пропустит плохую строку в новой песне, услышанную по радио, заметит неточность в описании котельного пеха. И если он не поверит писателю в какой-то детали, он неосторожно отнесется и ко всей книге. Начальник формовочного от-

дела верх-нейвинского завода Сычев, найдя в очерках уральского писателя Б. Рубинина, опубликованных в альманахе Свердловского отделения Союза писателей, целый ряд неурядиц и неточностей, технических ошибок и перевраных фактов, кончает свое письмо строгим и горестным упреком: «Своей технической безграмотностью автор не только насмешил читателей, но и дискредитировал почетное звание советского писателя». Добросовестно Малиненко, детально разбирая неудачное стихотворение, на которое композитором Соловьевым-Седым написана талантливая музыка, в заключение замечает: «Обидно, когда за хорошим напевом скрывается плохой стих».

О роли высокой идеи, большой и смелой мысли в художественном произведении говорит в своем письме доцент читателя Шеняков: «Мысль — ведь это и есть душа произведения, внутренний мир его. Мысль новая, дерзкая, разрушающая старое и создающая новое открывает произведению дверь в сердце читателя и дверь в вечность. Мысль свежая, всегда зовущая вперед, двигающая колесо самой жизни, создала успех повести В. Овечкина «С фронтовым приветом», принесла славу «Спутникам» В. Пановой, возвысила записки А. Федорова «Подпольный обком действует».

Наш читатель хочет активно влиять на творческий процесс, заинтересовать писателя новыми темами, назвать новых людей, о которых еще не созданы книги. Здесь стоит привести довольно обширную цитату из письма инженера Министерства лесной промышленности В. Досталя, живущего в Петрозаводске. Досталя говорит о том, что в советской литературе нет книг о нашей лесной промышленности, и от страниц его живого письма так

и веет свежей смолой и хвоей, горьким дымом таежных костров. Рассказывая о своей замечательной профессии, инженер сам увлекается и находит для этого красивые и хорошие слова: «Как бы всем нам хотелось побывать вместе с нашими писателями в тайге на лесосеке. Разве не привлекательна картина, когда в сильный мороз на лесной деланке рабочие работают, разгорячившись, только в телогрейках. Не нужно будет много воображения, чтобы представить себе штабеля топяных деревьев, греющих лесом, установленным в шахтах, превратить в бумагу гловый баланс, аккуратно уложенный темносерыми рядами, а мощные десятиметровые бревна — в суда, баржи, пенящие водные просторы нашей Родины. Вы бы и не заметили, как быстро наступают сумерки, и увидели языки пламени костров, а высоко над зубчатой стеной старого таежного леса поднимающегося в высь столбы темного посредние и серебристого по краям дыма. Все это и составляет поэзию севера, поэзию борьбы за лес, котража, будем надеяться, вдохновит вас на создание художественных произведений о советской лесной промышленности. Слово за вами, товарищи писатели!» Нам думается, что писатели откликнутся на приглашение советских лесозаготовителей, сделанное к тому же в такой поэтической форме.

Так говорит советский читатель со своим художником и певцом, так он диктует ему свои требования и пожелания, учит его великой правде жизни, и писатель, даже оставаясь в кабинете, слышит в тишине голос своего читателя — голос правдивого и сурового, требовательного и любящего друга.

Главный редактор В. ЕРМИЛОВ,
Редакционная коллегия: Н. АТАРОВ, А. БАУЛИН, Б. ГОРБАТОВ,
А. КОРНЕЙЧУК, О. КУРГАНОВ, Л. ЛЕОНОВ, А. МАКАРОВ,
М. МИТИН, Н. ПОГОДИН, А. ТВАРДОВСКИЙ.